

А. С. БАЙЕТТ

Обладасть

*Романтический
роман*

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Б 18

A. S. Byatt
POSSESSION
Copyright © 1990 by A. S. Byatt
All rights reserved

Перевод с английского Виктора Ланчикова, Дмитрия Псурцева
Серийное оформление и оформление обложки Виктории Манацковой
Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Байетт А. С.

Б 18 Обладать : романтический роман / А. С. Байетт ; пер. с англ. В. Ланчикова, Д. Псурцева. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2025. — 640 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-10433-4

«Обладать» — один из лучших английских романов конца XX века и, несомненно, лучшее произведение Антонии Байетт. Впрочем, слово «роман» можно применить к этой удивительной прозе весьма условно. Что же такое перед нами? Детективный роман идей? Женский готический роман в современном исполнении? Рыцарский роман на новый лад? Все вместе — и нечто большее, глубоко современная вещь, вобравшая многие традиции и одновременно отмеченная печатью подлинного вдохновения и новаторства. В ней разными гранями переливается тайна английского духа и английского величия.

Но прежде всего, эта книга о живых людях (пускай некоторые из них давно умерли), образы которых наваждением сходят к читателю; о любви, мятежной и неистойой страсти, побеждающей время и смерть; об устремлениях духа и плоти, земных и возвышенных, явных и потаенных; и о божественном Плана, который проглядывает в трагических и комических узорах судьбы человеческой... По зеркальному лабиринту сюжета персонажи этого причудливого повествования пробираются в таинственное прошлое: обитатели эпохи людей — в эпоху героев, а обитатели эпохи героев — в эпоху богов. Две стихии царят на этих страницах — стихия ума, блеска мысли, почти чувственного, и стихия тонкого эротизма, рождающегося от соприкосновения грубой материи жизни с нежными тканями фантазии.

«Обладать» занимает уникальное место в истории современной литературы и, при своем глубоком национальном своеобразии, принадлежит всему миру. Теперь, через несколько десятилетий после выхода шедевра Байетт, кажется мало Букеровской премии, присужденной в 1990 году. Как, может быть, мало и ордена Британской империи, врученного автору чуть позднее...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© В. К. Ланчиков, Д. В. Псурцев,
перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство ИНОСТРАНКА®

ISBN 978-5-389-10433-4

Когда писатель называет своё произведение «романтическим романом», стоит ли пояснять, что тем самым он притязает на некоторую вольность в рассуждении манеры и материала, на какую не смел бы посягать, если бы объявил, что пишет роман реалистический. Сей последний род сочинений, как принято считать, стремится к обстоятельнейшей достоверности в изображении не только что возможных, но и правдоподобных, обыденных событий человеческой жизни. Первый же род, хотя и обязан он, будучи произведением искусства, неукоснительно подчиняться правилам и хотя всякое уклонение от истины в изображении душевного мира для него есть грех непростительный, всё же он в известной степени позволяет представить такую истину в обстоятельствах большей частью выбранных или придуманных сочинителем... Этот роман следует отнести к романтическим на том основании, что здесь делается попытка связать прошедшее с ускользающим от нас настоящим.

*Н. Готори,
из предисловия к роману «Дом о семи фронтонах»*

Но если, истончившись, оболочка
Раздвинувшегося вымысла нам явит
Реальность под собой — что мы увидим?
Погиб ли прежний мир? Вас окружают
Достойнейшие: доблесть, юность, гений —
Угодно ли? — вот знатность, вот богатство.
Свои законные права к стопам
Слагают вашим, почитают вас
(То бишь меня) товарищем и братом.
Теперь они со Сляком заодно:
Ну прямо скажем, мною одержимы...

Всё может стать. Лишь прилгни чуть-чуть —
Всё сбудется. Выходит, Сляк обманщик?
Но чем, скажите, он поэта хуже,
Поющего о вымышленных греках,
Их подвигах под вымышленной Троей?..
Да что поэзия! Возьмите прозу.
Разносчики-то мудрости житейской
Обходятся ли без сподручной лжи?
Всяк преподносит истины и были,
В них то лишь оставляя, что согласно
С его же мнением, прочее — долой.

Век ящеров, история народов,
Индейцы дикие, война в Европе,
Жером Наполеон — что вам угодно.
И всё — как хочет автор. Вот таким
И деньги, и хвала: они-де в камень
Вдохнули жизнь, зажгли огнём туман,
Былое воскресили в настоящем.
Все ахают: «Как вы сыскали нить,
Что вас вела по этим лабиринтам?»,
«Как вы из воздуха слепили явь?»,
«Как вы на столь мизерном основаньи
Воздвигли жизнеописание, повесть?»,
Иначе говоря: «Из скольких лжей
Величественную сплели вы правду?»

*Роберт Браунинг,
из поэмы «Мистер Сляк, „медцум“»*

ГЛАВА 1

Там, в месте том, — сад, дерево и змей,
Свернувшийся в корнях, плоды златые,
И женщина под сению ветвей,
И травистый простор, и вод журчанье.
Всё это есть от веку. На краю
Былого мира в роще заповедной
У Гесперид мерцали на извечных
Ветвях плоды златые, и дракон
Ладон топорщил самоцветный гребень,
Скрёб когтем землю, щерил клык серебряный,
Дремал, покуда ловкий Геркулес,
Его сразивши, яблок не похитил.

*Рандольф Генри Падуб,
из поэмы «Сад Прозерпины», 1861*

Книга была толстая, в чёрном пыльном переплёте. Крышки переплёта покоробились и поскрипывали. Прежние владельцы обращались с книгой не очень-то бережно. Корешок отсутствовал — вернее, он был, но торчал из книги, зажатый между страницами, как пухлая закладка. Книга была несколько раз перехвачена грязной белой тесьмой, завязанной аккуратным бантиком. Библиотекарь передал книгу Роланду Митчеллу, который дожидался её в читальном зале Лондонской библиотеки. Книгу извлекли на свет божий из тёмных недр сейфа № 5, где она стояла между «Проказами Приапа» и «Любовью в греческом вкусе». Происходило всё это сентябрьским днём 1986 года в десять часов утра. Роланд хорошо видел часы над камином, хотя маленький столик, за которым он расположился — любимое место, — скрывался от зала за квадратной колонной. Из высокого окна справа лился солнечный свет, а за окном зеленели кроны деревьев на Сент-Джеймской площади.

В Лондонскую библиотеку Роланд заходил с особенным удовольствием. Пусть обстановка тут и не радовала глаз, зато имелись хорошие условия для работы; всё здесь дышало историей. Заглядывали сюда и ныне здравствующие поэты и мыслители, посиживали на решетчатых подставках под стеллажами, вели увлекательные споры на лестничных площадках. Тут работал Карлейль, тут бывала Джордж Элиот, поглощавшая книгу за книгой, — Роланд так и видел, как подол её чёрной шёлковой юбки или бархатный трен ползёт по полу между стеллажами с книгами Отцов Церкви, так и слышал, как позвякивают от её твёрдой поступи металлические ступени лесенки у полок с немецкой поэзией. Заходил сюда и Рандольф Генри Падуб, именно здесь отыскивал он пока не осмысленные мелкие факты, которые переполняли его восприимчивый ум и бездонную память, — множество сведений из разделов «История» и «Топография», множество тем из «Естественных наук» и «Разного», составлявших благодаря алфавитному принципу затейливые сочетания: «Дальтонизм», «Денежные системы», «Деторождение», «Дилижансы», «Домашняя прислуга», «Досуг», «Дрессировка», «Дьявол и демонология». А работы по теории эволюции в те годы числились по разделу «Человечество до Адама». Роланд лишь недавно узнал, что в Лондонской библиотеке имеется экземпляр «Оснований новой науки» Вико, принадлежавший некогда Падубу. К сожалению, книги из домашней библиотеки Падуба рассеялись по разным странам Европы и Америки. Самая значительная их часть хранилась, конечно же, в Нью-Мексико, в Стэнтовском собрании Университета Роберта Дэйла Оуэна¹, где работал Мортимер Собрайл, готовивший фундаментальное Полное собрание писем Рандольфа Генри Падуба. Правда, сегодня расстояния не помеха: книги перемещаются в пространстве со скоростью звука и света. Но как знать, не обнаружатся ли в Падубовом экземпляре Вико маргиналии, неизвестные даже дотошному Собрайлу. Очень было бы кстати: Роланд как раз выявлял источники поэмы Падуба «Сад Прозерпины». И какое это будет наслаждение — читать те же самые строки, что когда-то читал Падуб, листать страницы, к которым прикасались его пальцы, по которым пробежали его глаза.

¹ Комментарий к именам собственным, отмеченным *, даны в конце книги в алфавитном порядке. (Здесь и далее примеч. перев.)

Сразу было видно, что книгу не доставали уже очень давно — возможно, с тех самых пор, как она обрела покой в библиотечном сейфе. Библиотекарь клетчатой суконкой смахнул с книги пыль — чёрную, густую, въедливую пыль Викторианской эпохи, взвесь из тумана и дыма, успевшую накопиться до принятия законов о чистоте воздуха. Роланд развязал тесьму. Книга сама собой распахнулась, как шкатулка, явив на обозрение разрозненные выцветшие листки бумаги — голубые, желтоватые, серые, испещрённые ржавыми строчками, бурными записями, которые нацарапало стальное перо. Знакомый почерк. У Роланда захватило дух: кажется, заметки о прочитанном, сделанные на обратной стороне старых счетов и писем. Похоже, сказал библиотекарь, к ним никогда не притрагивались. Края листов с записями, выступающие за обрез книги, словно закоптились дочерна и напоминали траурную кайму на извещениях о похоронах. Чернота была отмечена точно по линии обреза.

Роланд спросил, можно ли ему прочесть эти записки. Чтобы у библиотекаря не закралось никаких сомнений, он отрекомендовался: младший научный сотрудник, работает под руководством профессора Аспидса, который с 1951 года редактирует Полное собрание сочинений Падуба. Библиотекарь на цыпочках пошёл звонить начальству, а мёртвые листки по-прежнему чуть заметно шевелились и шуршали, словно после освобождения в них снова затеплилась жизнь. Листки, которые оставил в книге Падуб... Вернувшийся библиотекарь подтвердил: да, Роланду разрешается работать с записями, при условии, что он не нарушит последовательности вложенных листков, чтобы потом можно было составить их опись. И если вдруг Роланд обнаружит что-нибудь важное, пусть сообщит библиотекарю.

Разрешение это было получено к половине одиннадцатого. Следующие полчаса Роланд бессвязно рылся в томе Вико, выискивая упоминания о Прозерпине и одновременно почитывая заметки Падуба. А читать их было нелегко: Падуб делал записи на разных языках, притом крохотными, почти печатными буквами — не сразу заметишь сходство с тем разгонистым почерком, которым были написаны его стихи и письма.

В одиннадцать Роланд наконец отыскал место в книге, которое, кажется, имело отношение к его теме. Вико пытался разглядеть за поэтическими метафорами, легендами и мифами исторические факты и увязать эти образы в одну картину — в этом

и состояла суть его «новой науки». Прозерпина в его понимании олицетворяла зерно хлебных злаков — источник торговли и общественного начала. Рандольф Генри Падуб же, как считалось, выразил в образе Прозерпины религиозные сомнения человека Викторианской эпохи, свои собственные мысли, навеянные мифами о воскресении. На картине лорда Лейтона* Прозерпина — это летящая по чёрному тоннелю золотистая фигура с видимыми признаками душевного смятения. Аспидс полагал, что Падуб видел в ней воплощение самой истории — её начального этапа, который описывается в мифах. (Перу Падуба принадлежали два стихотворения об историках, мало похожих друг на друга: одно о Гиббоне*, другое о Беде Достопочтенном*. Аспидс даже написал статью о Р. Г. Падубе и отражении историографии в его творчестве.)

Сопоставляя текст поэмы Падуба с переводом труда Вико, Роланд делал выписки на каталожных карточках. Перед ним стояли две коробки таких карточек — ярко-оранжевая и густозелёная, травяного оттенка; пластиковые петли карточек своим потрескиванием нарушали тишину читального зала.

Колосья называли золотыми яблоками, и это, вероятно, было единственное известное человечеству золото, ибо о золоте-металле тогда ещё не слышали... Поэтому золотое яблоко, которое Геркулес добыл — или вернул — из сада Гесперид, скорее всего, было не что иное, как зёрна злаков, и у галльского Геркулеса из уст исходят золотые цепочки, концы которых прикованы к ушам людей¹, — это, как мы увидим ниже, изображает миф об обработке полей. По этой причине Геркулес считался божеством, благосклонность коего открывала путь к богатству, богом же богатства был Дит (тождественный Плутону), умчавший Прозерпину (она же Церера, или зерно) в подземное царство, описанное поэтами, которые именуют его то Стиксом, то царством мёртвых, то недрами пашни... Это золотое яблоко великий знаток героических преданий древности Вергилий и превратил в золотую ветвь, которую Эней берёт с собою в Подземный мир, или Преисподнюю.

Рандольф Генри Падуб, описывая Прозерпину, отмечает: «полумрак ей кожу позлатил» и называет её «как колос, золо-

¹ Изображение, описанное в сочинении Лукиана «Про Геракла». «Галльский Геркулес» — кельтский бог Огма (Огмий).

тая». А вот ещё: «Окованная звеньями златыми...» — это, наверно, про какие-нибудь ювелирные украшения, цепочки. Роланд аккуратно внёс перекрёстные ссылки в карточки с рубриками «злаки», «яблоки», «цепь», «богатство». Страница тома Вико, на которой он нашёл этот отрывок, была согнута пополам, внутри лежал счёт за свечи. На обороте его Падуб записал: «Личность приходит в мир на короткий миг, вступает в круг людей мыслящих, привносит новое и умирает, но биологический вид продолжает жить и пожинает плоды быстротечного её бытия». Роланд переписал эту фразу, выбрал чистую карточку и набросал вопросы, на которые предстояло найти ответ: «Разобраться. Цитата или собственная мысль? Биологич. вид — Прозерпина? Очень в духе XIX в. Или Прозерпина — личность? Когда оставлены заметки? Когда написаны — до или после „Происхождения видов“? Хотя это ничего не даст. М. б., он думал о Развитии в широком смысле...»

Было уже четверть двенадцатого. Тикали часы, в лучах солнца кружились пылинки, Роланд размышлял о том, что изнурительная и колдовская тяга к познанию влечёт нас по пути, которому нет конца. Он сидел, пытаясь восстановить очертания мыслей, вычитанных давно умершим человеком, а время шло: Роланду напоминали об этом не только библиотечные часы, но и посасывание под ложечкой (кофе в Лондонской библиотеке не продавали). Надо показать эти драгоценные находки Аспидсу. Тот будет то фыркать, то восторгаться, но всё же останется доволен, что книга лежит под замком в сейфе № 5, а не упорхнула, как и многие другие раритеты, в Университет Роберта Дэйла Оуэна в Гармония-Сити. Как же не хочется рассказывать Аспидсу. Вот бы владеть этими сведениями в одиночку.

Упоминание о Прозерпине было на страницах 288–289. А на странице 300 оказались два сложенных листа писчей бумаги. Роланд осторожно развернул их. Он сразу узнал плавный, летящий почерк Падуба. Это были письма, на обоих значился адрес Падуба — Грейт-Рассел-стрит, — оба помечены 21 июня. Год не указан. Оба начинались словами «Милостивая государыня!», оба без подписи. Первое гораздо короче второго.

Милостивая государыня!

Мысли о нашей необычной беседе не покидают меня ни на минуту. Не так часто поэту, а может быть, и всякому смертному

случается встретить собеседника, который соединял бы в себе столько готовности проникнуться чужими мыслями, столько ума и тонкости суждения. Я пишу, испытывая неодолимую потребность продолжить наш разговор, и, не раздумывая, ибо и Вы, как мне показалось, были так же взволнованы этой необычной обращаясь к Вам с просьбой: могу ли я навестить Вас как-нибудь на будущей неделе? Я чувствую, что мы с Вами непременно должны вернуться к нашей беседе, и уверенность эта не блажь, не самообман. Мне известно, что Вы редко бываете в обществе, и мне удивительно повезло, что любезный Крэбб залучил Вас к себе на завтрак. Какое счастье, что, несмотря на легкомысленное балагурство студиозусов и искусные рассказы Крэбба о примечательных происшествиях — в том числе тот, о бюсте, — нам удалось сказать друг другу так много важного. Вы, без сомнения, разделяете то чувство, которое

Вот что было во втором письме:

Милостивая государыня!

Я то и дело возвращаюсь в мыслях к нашей приятной и неожиданной беседе. Не будет ли у нас возможности возобновить её и поговорить более пространно, в обстановке не столь многолюдной? Мне известно, что Вы редко бываете в обществе, и мне чрезвычайно повезло, что любезный Крэбб залучил Вас к себе на завтрак. Я бесконечно признателен его доброму здравью, благодаря которому он и в восемьдесят два года находит в себе силы и желание поутру угощать поэтов и студентов, профессоров математики и политических философов и с привычным жаром рассказывать историю о бюсте, не задерживая его, однако, появления на столе гренков с маслом.

Не правда ли, удивительно, что мы с полуслова так хорошо поняли друг друга? А ведь мы поняли друг друга на редкость хорошо, Вы согласны? Или это плод разгорячённого воображения не слишком молодого и не слишком признанного поэта, который вдруг обнаружил, что его произведения с их потаённым, изощрённо-внятным и непонятым смыслом — или, скорее, бессмыслицей, раз никто, как видно, не сумел добраться до этого смысла, — нашли наконец наблюдательного и увлечённого читателя и судью? Ваши мысли о монологе Александра Селькирка*, Ваше верное постижение мятущейся души моего Джона Беньяна*, Ваше понимание страсти Инес де Кастро...* которая была resurrecta¹ столь чудовищным образом... Но хватит

¹ Воскрешена (лат.).

этих вздохов большого самолюбия, хватит разглагольствовать о моих personae¹, которые, как Вы справедливо заметили, вовсе не маски, скрывающие лицо автора. Я не хочу, чтобы Вы заключили, будто я ставлю Ваш тонкий слух и ещё более тонкий вкус не выше, а ниже своего. Непременно напишите Вашу историю о фее: Вы сделаете из этого сюжета что-то очень необычное и оригинальное. Кстати, не задумывались ли Вы о взглядах Вико на историю первобытных народов — о том, что боги древности, а позднее герои суть олицетворения судеб и устремлений народа, рождающиеся в уме простого человека? Тут есть над чем поразмыслить: ведь предание о Вашей фее связывают с невымышленными замками и возводят к действительно происходившим преобразованиям в земледелии — на современный взгляд это одна из любопытнейших сторон её истории. Впрочем, я опять за своё: Вы, с Вашим живым умом и приобретёнными вдали от суеты знаниями, без сомнения, сами придумали, как придать своей теме наилучшую отделку.

Возможно, Ваше понимание, как сладостный дурман, вскружило мне голову, но меня не оставляет чувство, что и Вы разделяете моё желание что нам обоим было бы полезно продолжить нашу беседу что нам необходимо увидеться. Я знаю Если я не ошибаюсь, Вы также нашли наше знакомство важным интересным и, как бы ни дорожили Вы своим уединением

Я понимаю, что Вы решились выехать лишь для того, чтобы навестить любезного Крэбба, который в нелёгкое для Вашего отца время поддержал этого блистательного учёного и оценил его труд. Вы выехали потому, что знали: Вас будут принимать в узком приятельском кругу. Всё так, но главное — Вы выехали, а значит, я могу надеяться, что, найдись важная причина, Вы согласитесь на время поступиться обыденным покоем ради

Я убеждён, что вы понимаете

Роланд был потрясён. И сразу же в нём разыграл литературовед. В голове сами собой замелькали предположения о времени и месте этого несостоявшегося диалога с неназванной женщиной. Год в письмах не указан, но они определённо написаны после публикации цикла драматических поэм Падуба «Боги, люди и герои». Поэмы вышли в 1856 году, и критика, вопреки надеждам, а может быть, и расчётам Падуба, отозвалась о них не слишком

---

¹ Персонажах (лат.).

благожелательно: рецензенты объявили его произведения непонятными, вкус его — извращённым, а персонажей — вычурными и надуманными. В этот цикл и входили «Одинокие думы Александра Селькирка» — размышления моряка, заброшенного на необитаемый остров. Относились к этому циклу и «Лудильщик во пророках» — поэма, в которой воспроизводятся раздумья томящегося в тюрьме Беньяна о благодати Господней, и сцена, происходящая в 1356 году: причудливый, иступлённый монолог Педро Португальского, в котором он признаётся в любви набальзамированному телу своей убитой жены Инес де Кастро, — высохший, обтянутый бурой кожей труп всегда покачивался в карете рядом с королём, куда бы тот ни ехал: на голове — обхваченный золотым обручем кружевной убор, по платью — цепочки с алмазами и жемчугами, костлявые пальцы унизаны редкой красоты перстнями... Падуб охотно изображал героев, близких к безумию или обуянных безумием, создающих из обрывков жизненного опыта мировоззрение, которое помогает им выстоять.

Установить, что это за завтрак, не составит труда, скорее всего — один из приёмов, которые на склоне лет стал устраивать Крэбб Робинсон*, чтобы студенты недавно основанного Лондонского университета могли в застольных беседах расширять свой кругозор. Архив Крэбба Робинсона хранился в Библиотеке доктора Уильямса на Гордон-сквер — здании, задуманном как Университетская ратуша; по замыслу Робинсона тут вольнослушатели получали возможность приобщаться к университетской жизни вне учебных аудиторий. Не так уж трудно — да нет, совсем не трудно справиться в дневнике Робинсона, когда Падуб присутствовал на завтраке в доме 30 на Рассел-сквер в обществе профессора математики, политического философа (не Баджот* ли?) и некой затворницы, которая разбиралась в поэзии и сама писала или имела намерение писать стихи.

Кто же она такая? Кристина Россетти?* Сомнительно. Вряд ли мисс Россетти пришлись бы по вкусу богословские построения Падуба и его взгляды на мужскую и женскую психологию. И что за «история о фее»? От всех этих загадок Роланд уже не в первый раз ощутил своё безграничное невежество: серый туман, а в нём то проплывает, то маячит что-то осязаемое, то блеснут купола, то чернеют в сумраке крыши...

Удалось ли Падубу завязать переписку? Если да, то где остальные письма, какие драгоценные сведения о его произведениях

«с их потаённым, изощрённо-внятным и непонятым смыслом» могут в них содержаться? Не исключено, что, отыщись эти письма, филологам придётся пересмотреть кое-какие устоявшиеся мнения. Ну а если переписка не завязалась? Если Падуб так и не нашёл слов, чтобы выразить своё настойчивое желание? Настойчивость — вот что поразило и взволновало Роланда больше всего. А он-то думал, что знает Падуба неплохо — насколько вообще можно знать человека, замкнувшегося в мире своих мыслей, сорок лет прожившего с женой как примерный семьянин, оставившего после себя гору писем, но писем сдержанно-учтивых, не отмеченных какими-то особыми страстями. И такой Рандольф Генри Падуб Роланду нравился. Его восхищало яростное горение духа и широчайшая эрудиция, заметные в творчестве Падуба, и в глубине души ему было приятно, что эти качества выработались благодаря такому степенному, такому безбурному существованию.

Он перечитал оба черновика. Было ли письмо наконец написано и отправлено? Или первый порыв угас, был отринут? И тут Роланда самого захлестнул странный, неожиданный для него порыв. Нет, не может он оставить эти полные жизни слова в томе Вико, на странице 300, и сдать на хранение в сейф № 5. Он огляделся: никто не видит. Тогда он украдкой сунул письма в книгу, с которой никогда не расставался, — оксфордское издание «Избранного» Падуба — и снова занялся карточками. Он методично выписывал самое интересное, пока на лестнице не послышался звон колокольчика, извещающий о закрытии читального зала. Заработавшись, Роланд даже не выкроил времени перекусить.

Он собрал коробки с карточками, сунул под них «Избранное» и направился к выходу. Дежурные за столиком выдачи книг дружески ему закивали. Роланд был тут завсегдаем. Заподозрить его в порче книг или краже никому и в голову не приходило. Он вышел из библиотеки, как обычно, с толстым обшарпанным портфелем под мышкой. На Пиккадилли сел в двухэтажный автобус № 14 и, прижимая к себе добычу, поднялся наверх. Как всегда по дороге домой — жил он в Патни, в полуподвальном этаже ветшающего дома викторианских времён, — сперва на него напала сонливость, потом она сменилась какой-то лихорадочной ясностью, а там уже подступали тревожные мысли о Вэл.

ГЛАВА 2

Человек — это история его мыслей, дыхания и поступков, телесного состава и душевных ран, любви, равнодушия и неприязни, история его народа и государства, земли, вскормившей и его, и предков его, камней и песчинок знакомых ему краёв, история давно отгремевших битв и душевных борений, улыбок дев и неспешных речений старух, история случайностей и постепенного действия непреложных законов — история этих и многих других обстоятельств, один язычок огня, который во всём живёт по законам целого Пламени, но, вспыхнув единожды, в своё время угаснет и никогда больше не загорится в беспредельных просторах будущего.

Так писал Рандольф Генри Падуб примерно в 1840 году, когда работал над поэмой в двенадцати книгах под названием «Рагнарёк, или Гибель богов», которую одни восприняли как христианский взгляд на скандинавскую мифологию, а другие громили за атеизм и недостойную христианина безысходность. Рандольфу Падубу действительно важно было разобраться, что такое человек, но, вообще-то, он запросто мог бы написать это загромождённое, как мебельный склад, предложение совсем по-другому, заменить слова, сочетания и ритмический рисунок и заключить той же добротной уклончивой метафорой. Так, по крайней мере, казалось Роланду, натасканному по части постструктуралистской деконструкции сюжета. А вот на вопрос, кто такой Роланд Митчелл, ему бы пришлось ответить иначе.

В 1986 году ему исполнилось двадцать девять. Митчелл окончил лондонский колледж Принца Альберта (1978) и в том же университете получил степень доктора философии (1985). Его докторская диссертация называлась «История, историки и поэзия? Изображение исторических „свидетельств“ в поэмах Рандольфа Генри Падуба». Научным руководителем был Джеймс

Аспидс, работая под началом которого можно было охладеть к любой теме. Сам Аспидс давно охладел ко всему, и ему доставляло удовольствие расхолаживать окружающих. (Зато уж как учёный он отличался добросовестностью.) Роланд работал в возглавляемом Аспидсом Центре исследования творчества Р. Г. Падуба, который окрестили «Падубоведник». («Лучше бы „Синклит Его Преподубия“», — заметила как-то Вэл.) Разместился центр в Британском музее, куда вдова Падуба Эллен передала значительную часть его рукописей. Кое-какую финансовую поддержку оказывал Падубоведнику Лондонский университет, но гораздо большие средства поступали из Альбукерке, от Фонда Ньюсома — благотворительной организации, одним из попечителей которой состоял Мортимер Собрайл. Казалось бы, в своём стремлении увековечить память Падуба Аспидс и Собрайл действуют рука об руку. Но не тут-то было. Аспидс подозревал, что Собрайл имеет виды на хранящиеся в Британской библиотеке, но не принадлежащие ей рукописи и, разыгрывая щедрость и заботливость, пытается втереться в доверие к законным владельцам. Шотландец Аспидс был убеждён, что рукописи британца должны оставаться в Британии, чтобы их изучали британцы. Может показаться странным, что ответ на вопрос: «Кто такой Роланд Митчелл?» — начинается с разбора непростых отношений Аспидса, Собрайла и Падуба, но, задумываясь о своём положении, Роланд чаще всего видел себя именно в этом соседстве. Во всех остальных случаях «соседством» становилась Вэл.

Роланд считал, что родился слишком поздно. Он едва застал разлитые в воздухе возбуждение, непоседливость, юность, бодрость, ушедшие вместе с шестидесятыми, — радостную зарю нового дня, который заранее представлялся ему и его сверстникам довольно-таки тусклым. В психоделические годы он был ещё школьником и жил в захудалом ланкаширском городишке, примечательном разве что текстильными фабриками, вдали от шума Ливерпуля и сутолоки Лондона. Отец Роланда служил мелким чиновником в совете графства. Мать окончила факультет английского языка и литературы и разочаровалась в своей специальности. Если самому себе Роланд казался ходячим заявлением о приёме — на работу, в колледж, в кандидаты на место под солнцем, — то мать в его глазах была воплощённым разочарованием. В чём она только не разочаровывалась! В нём, в его отце, в себе. В бешенстве от собственной неудачливости, она

употребила всю силу этого бешенства на то, чтобы дать сыну приличное образование. Образование Роланд получил в Единой школе Анайрина Бивана, слепленной на скорую руку из Гласдейлской старой классической школы, англиканской средней школы Фомы Беккета и Современной Технической школы гильдии швейников, и учёба сопровождалась непрерывной беготнёй из здания в здание. Мать пристрастилась к крепкому портеру, совсем заиклилась на «приличном образовании» и постоянно заставляла Роланда менять основной предмет: работы по металлу на латынь, гражданское законодательство на французский, устраивала его разносить почту и на вырученные деньги нанимала ему репетитора по математике. Так что в конце концов он получил самое заурядное классическое образование с пробелами из-за сокращения того или другого преподавателя и ералаша на том или другом занятии. Но ожидания Роланд оправдывал всегда: среднюю школу окончил на одни пятёрки, диплом получил с отличием, защитил диссертацию. Сейчас постоянной работы у него не было, и он перебивался случайными заработками: вёл индивидуальные занятия со студентами своего колледжа, состоял на побегушках у Аспидса и мыл посуду по ресторанам. В богатые возможностями шестидесятые он и сам не заметил бы, как в два счёта сделал карьеру, но времена изменились: он уже поставил на себе крест и склонялся к мысли, что сам виноват в своих неудачах.

Роланд был человеком некрупного сложения, с поразительно чёрными, очень мягкими волосами и мелкими правильными чертами. Вэл звала его Кротишка. Прозвище ему не нравилось, но он помалкивал.

Жил он вместе с Вэл. Они познакомились на чаепитии, которое Студенческий союз устроил для первокурсников. Роланду тогда было восемнадцать. Сегодня ему казалось — впрочем, может, это просто мифотворчество от забывчивости, — что Вэл в его новой студенческой жизни была первым человеком, с которым он заговорил — не об учёбе, а так, вообще. Как он вспоминал, ему сразу понравился её взгляд — неуверенный взгляд бархатных карих глаз. Она стояла в сторонке с чашкой чая в руках и, никого вокруг не замечая, сосредоточенно смотрела в окно, словно не ждала, что к ней подойдут, да и не искала собеседников. Весь её вид навевал покой, умиротворял, и Роланд подошёл к ней и завязал разговор. И с тех пор они и минуты не пробыли

порознь. Записывались на одни и те же курсы, в одни и те же студенческие общества, вместе сидели на семинарах, вместе ходили в Национальный дом кино. Вместе спали, а на втором курсе вместе сняли себе однокомнатную квартиру. На питании экономили — ели овсянку, чечевицу, фасоль, йогурт; когда случалось побаловаться пивом, пили не спеша, чтобы растянуть удовольствие; книги покупали в складчину. Других доходов, кроме стипендии, ни у неё, ни у него не было, а в Лондоне на стипендию не разгуляешься. А из-за нефтяного кризиса подрабатывать в каникулы стало уже невозможно. Роланд считал, что и диплом с отличием он получил не без помощи Вэл (это если не считать помощи матери и Рандольфа Генри Падуба). Ведь Вэл так надеялась, что Роланд его получит, всё время заставляла делиться соображениями о дипломной работе, обсуждала с ним каждую мелочь, постоянно угрызалась, что она, вернее, они так мало занимаются. Ссорились они очень редко и почти всегда по одной причине: Роланда тревожило, что она так дичится всех на свете — не высказывает собственную точку зрения на семинарах, а в последнее время и ему не рассказывает о своих мыслях. Раньше у неё было полно всяких заветных мыслей, и она с робкой лукавцей, словно подманивая или подначивая, делилась ими с Роландом. Были у неё любимые стихи. Как-то раз, когда они с Роландом лежали нагишом в его тёмной квартирке, она вдруг села в кровати и прочла строки Роберта Грейвза:

Полуслова: она сквозь полусон
Лепечет нежное из темноты,
Не поднимая век.
Земля на миг стряхнула зимний сон
И подарила травы и цветы —
И не беда, что снег,
Что сыплет снег.

У неё был небрежный ливерпульский выговор, подправленный лондонским произношением, как у «Битлз». Роланд попытался было заговорить, но она зажала ему рот. Да он и сам не знал, что сказать.

Постепенно Роланд стал замечать, что чем лучше идёт у него учёба, тем реже Вэл заводит серьёзные разговоры и тем чаще выговаривает в них его мысли — иной раз перелицованные навыворот, но всё же его собственные. Даже тему дипломной работы

она выбрала такую: «Мужчина чревовеещающий: Рандольф Генри Падуб и женщины». Роланд отговаривал. Пусть лучше напишет о чём-нибудь своём, заговорит собственным голосом, покажет всем, на что она способна. На это Вэл объявила, что он просто «издевается». Роланд удивился: почему это «издевается»? — но она, как уже не раз случалось при спорах, ответила молчанием. Роланд тоже не нашёл другого средства противодействия, кроме молчания, и они не разговаривали несколько дней. Был и совсем уж кошмарный случай, когда они проиграли в молчанку несколько недель — из-за того, что Роланд напрямик выложил, что он думает о «Мужчине чревовеещающем». Но всякий раз напряжённое молчание разряжалось примирительными односложными репликами и мирное сосуществование восстанавливалось.

Между тем подошли выпускные экзамены. Роланд сдавал в срок и, как и следовало ожидать, успешно. Экзаменационные работы Вэл были написаны размашистым уверенным почерком, прекрасно оформлены, предельно лаконичны и бесцветны. Экзаменаторы признали, что «Мужчина чревовеещающий» — работа добротная, но переоценивать её не стоит, потому что к ней наверняка приложил руку Роланд. Это было вдвойне несправедливо. Роланд её даже не прочёл и к тому же был не согласен с её главной мыслью: что Рандольф Генри Падуб не любил и не понимал женщин, что все героини, в уста которых он вкладывает свои поэтические монологи, — это воплощение его страхов и агрессивности, что даже в цикле поэтических посланий «Аск — Эмбле»¹ проявляется не любовь, а нарциссизм: поэт обращается к своей Аниме². (Ещё ни одному биографу не удалось хоть сколько-нибудь доказательно установить, кто же был прототипом Эмблы.) Экзамены Вэл сдала неважно. Роланд думал, что на большее она не рассчитывала, но, к ужасу своему, обнаружил, что ошибался. Пошли слёзы, сдавленные всхлипы ночи напролёт, потом — первая вспышка ярости.

Вэл ненадолго съездила «домой». Это было их первое расставание с тех пор, как они поселились вместе. Дом — вернее, квартира в муниципальном доме, где Вэл жила с разведённой матерью, — находился в Кройдоне. Мать получала пособие для ма-

¹ *Аск* («яшень»), *Эмбла* («ива») — в скандинавской мифологии первые люди на земле, оживленные богами (асами) ива и яшень, найденные на берегу моря.

² Термин аналитической психологии К. Г. Юнга: персонификация женского начала в бессознательном мужчины.

лоимущих, а иногда алименты, которые с большими перерывами присылал муж, работавший в торговом флоте. Последний раз он появлялся дома, когда Вэл было пять лет. Вэл ни разу не предлагала Роланду съездить к матери. Зато он уже дважды возил её к своим в Гласдейл. Там она помогала отцу Роланда мыть посуду и слушала, как мать ехидно отпускает шпильки насчёт их с Роландом образа жизни. Вэл и бровью не повела, а Роланду сказала:

— Да ладно тебе, Кротишка. Я это уже проходила. Моя вон ещё и пьёт. У нас на кухне только чиркни спичкой — так и запыляется.

Едва Вэл уехала, Роланд точно прозрел и обратился в другую веру. Он неожиданно понял, что такая жизнь ему больше не по душе. Теперь он ночью ворочался сколько хотел, раскидывался по всей кровати, днём распахивал окна, ходил один в галерею Тейт любоваться размытой золотистыми лучами голубизной над замком Норем на картине Тернера. Пригласил к себе на жареного фазана своего противника во всех драках за академические лавры Фергуса Вулффа. Фазан оказался жёстким, нашпигованным дробью, но поболтали и посидели славно. Роланд начал строить планы — вернее, просто воображал, как бы здорово ему работалось бессонными ночами, будь он предоставлен самому себе: такой возможности у него ещё никогда не бывало. А через неделю вернулась Вэл. Вернулась заплаканная, с трясущимися руками и объявила, что хочет по крайней мере сама зарабатывать на жизнь и поступает на курсы машинисток-стенографисток.

— Слава богу, хоть тебе я нужна, — вздохнула она, и мокрое лицо её лоснилось от слёз. — Не знаю уж, зачем тебе такое ничтожество, а только нужна.

— Конечно нужна, — подтвердил Роланд. — Ещё как нужна!

Стипендию Роланду больше не платили, и, пока он писал диссертацию, они жили на заработки Вэл. Она купила себе электронную пишущую машинку и вечерами перепечатывала научные статьи, а днём находила какую-нибудь временную секретарскую работу там, где платили побольше. Работа подворачивалась то в Сити, то в университетских клиниках, то в судоходных

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

А. С. БАЙЕТТ
ОБЛАДАТЬ
Романтический роман

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Светлана Федорова, Нина Тюрина,
Мargarита Ахметова

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 22.10.2024.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 40. Заказ № .

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. ш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, г. Санкт-Петербург, ул. Херсонская, д. 12–14, лит. А, Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А, Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Y-BRM-18459-09-R